

Наталья КИМ

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ ОБОБЩЕННОСТИ
В ТЕКСТЕ ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА «ТРИ ГОДА»**

**The linguistic means of representation of the category of generality in
A.P. Chekhov's Three Years**

Abstract

The multi-level means of representation of the category of generality inherent in language as a whole are reflected in the story of A.P. Chekhov's Three Years in all their diversity. The characters of the work reflect on generally significant topics in the context of their own lives which implement the category of generality in the work. When language units function in the text of the story, their particular vs. specific and generalizing meanings interact, which causes a two-dimensional semantic perception both within a single utterance and the text as a whole. The use of the means of generalizing in the speech of the characters is pragmatically driven and determined by the purpose of the speaker to depersonalize the statement or to influence the interlocutor, giving personal reflections a universal meaning.

Keywords: *generality, vocabulary, grammar, pragmatics, stylistics*

Семантическая категория обобщенности имеет средства репрезентации на всех уровнях языковой системы.

Размышляя о любви и браке, жизни и счастье, смерти и будущем, труде и свободе, А.П. Чехов использует различные языковые единицы для выражения сентенциональных утверждений: «Без труда не может быть чистой и радостной жизни».

В качестве одного из лексических средств выражения персональной семантики обобщенно-личного типа выступает десемантизированная лексема человек, актуализируясь при этом как обозначение отправителя речи и любого другого лица одновременно.

Высказывание *Одним словом, никогда человек не бывает доволен тем, что у него есть* в позиции завершающей фразы монолога-рассуждения Ярцева о любви выражает генерализованное значение с опорой на семантику лексемы «человек» и атемпоральный характер формы времени глагола «бывает». Говорящий переходит с конкретного уровня размышлений на обобщенный в стремлении осмыслить ситуацию как общезначимую, уходя от исключительно личной причастности к подобному положению дел:

– *Да, друг мой. Я старше вас на три года, и мне уже поздно думать о настоящей любви, и, в сущности, такая женщина, как Полина Николаевна, для меня находка, и, конечно, я проживу с ней благополучно до самой старости, но, черт его знает, всё чего-то жалко, всё чего-то хочется и всё кажется*

мне, будто я лежу в долине Дагестана и снится мне бал. Одним словом, никогда человек не бывает доволен тем, что у него есть.

Возможность благополучно прожить с женщиной до старости не вызывает у героя чувства удовлетворенности и не связывается с представлениями о «настоящей любви», противопоставляясь желанию любви - духовной близости, подобной любви лермонтовских героев, которая побеждает смерть, мистически возвышается над реальностью, соединяя героев во сне. Ярцев, видимо, ассоциирует себя со спящим «мертвым сном в долине Дагестана» лирическим героем стихотворения «Сон», которому снится «вечерний пир в родимой стороне» и возлюбленная на этом пиру, душа которой погружена в «грустный сон»: «И снилась ей долина Дагестана...».

Конструкции с лексемой *человек* в силу сентенциальности их семантики используются героями повести как средства речевого воздействия на собеседника.

Пытаясь убедить старика Лаптева в необходимости привезти «незаконных» внушек Сашу и Лиду, родителей которых он «не благословлял», Юлия Белавина использует форму сентенции:

– *Но простить, сказать ласковое, приветливое слово человеку, даже виноватому, – это выше дела, выше богатства!*

Размышляя о предложении, сделанном ей Алексеем Лаптевым, Юлия «уверяет себя», также используя форму репрезентации общей истины:

Она замучилась, пала духом и уверяла себя теперь, что отказывать порядочному, доброму, любящему человеку ... – это безумие, это каприз и прихоть, и за это может даже наказать бог.

Можно отметить грамматикализованность выражения обобщенного смысла, реализуемого в синтаксических конструкциях подобного типа, построенных по сходной морфолого-синтаксической модели и имеющих одинаковое актуальное членение с рематической позицией инфинитива.

В рассуждениях героев повести используются генерализующие формы нарицательных имен существительных.

Рассказывая о конкретном докторе (отце Юлии) и конкретном старце («Пусть, говорит, вас **лечит мой папа**, но вы все-таки потихоньку напишите святому **старцу**, чтобы он за вас помолился»), в завершающей фразе монолога Нина Федоровна высказывается обобщенно:

– *...Нет, уж когда конец, то не помогут ни доктора, ни старцы.*

Замена форм единственного числа на множественное («старец» – «старцы») произведена с целью подчеркнуть, что названный факт может иметь место не только в жизни говорящего, но любого лица в подобной ситуации.

В качестве фактора, формирующего обобщенное значение имени, выступает взаимозаменяемость форм единственного и множественного числа, утрачивающих при этом значения реальной единичности или множественности:

– *Матери видят в своих детях что-то необыкновенное, так уж природа устроила, – говорила Юлия. – Целые часы мать стоит у постельки, смотрит, какие у ребенка ушки, глазки, носик, восхищается.*

Особенностью функционирования имен в тексте повести является взаимодействие частно-конкретных и обобщенных значений в пределах актуализации значения одной лексемы: «И ни о чем **мать** не **говорит**, только **о ребенке**. Я знаю эту слабость матерей и слежу за собой, но, право, **моя Оля** необыкновенная. Как она смотрит, когда сосет! Как смеется!»; «**Купец** любит не торговать, а начальствовать, и ваш амбар не торговое учреждение, а застенок!».

Двуплановость восприятия семантики имен «мать», «купец» как конкретной и обобщающей одновременно обуславливается условиями дискурса: Юлия рассуждает о матерях вообще и в то же время говорит о себе («моя Оля»), Алексей Лаптев высказывается о купцах и о своем отце в частности.

Употребленная в высказывании *Почему на мне этот сюртук, а не горячая рубаха?* лексема *сюртук* обнаруживает словарное значение «род длинного (почти до колен) двубортного пиджака в талию» [КУЗНЕЦОВ 2001: 317], являясь при этом обозначением повседневной одежды вообще и противопоставляясь конкретному обозначению «специальной одежды для больных, страдающих буйным помешательством» [КУЗНЕЦОВ 2001: 701].

Деактуализация дифференциальных компонентов значений как частных, индивидуализирующих приводит к тому, что появляется семантема «более широкого объема» и «единичные сущности» оказываются включенными «в более широкие смыслы» [ГАПАНОВИЧ 2014: 62].

В речи героев повести используются имена собственные, которые являются дискурсивной заменой имен нарицательных, оказываясь наименованием предмета из ряда однородных.

Имя влюбленного героя трагедии Шекспира выступает как номинация любого другого влюбленного, что является результатом типизации и обобщения свойств данного персонажа.

– *Ромео и Юлия!* – сказал он, закрывая книгу, и засмеялся.

– Я, Нина, *Ромео*. Можешь меня поздравить, я сегодня сделал предложение Юлии Белавиной.

«Для функционального обобщения характерна атрибутивная связь, реализующаяся номинативными единицами в позиции предикатива или приложения» [ГАПАНОВИЧ 2014: 64].

Реализация в речи персонажа модели, генерализующей значение имени собственного, позволяет констатировать обобщенность употребления индивидуальной номинации, в частности имени *Шамиль*:

– *С вашей стороны заслуга храбрости, так как женское сердце есть Шамиль.*

В тексте произведения такое употребление становится средством речевой характеристики персонажа. «Здесь, конечно, сказываются и необразованность, и претензия лакея, желающего выглядеть значительным и культурным, но и осторожность человека, скрывающего свои мысли» [ИГНАТЕНКО 2018:19].

Обобщенный смысл могут иметь самые различные по своей синтаксической форме конструкции – односоставные (определенно-личные, неопределенно-личные, безличные) и двусоставные.

В речи героев повести обнаруживаются традиционно относимые к обобщенно-личными односоставные бесподлежащие предложения с глаголом-сказуемым в форме 2 л. ед. ч., в которых представленное действие или состояние может быть соотнесено с любым лицом.

Категория личности в пределах монологических высказываний героев может быть представлена семантико-стилистическими разновидностями. Избираемые говорящим способы репрезентации субъекта определенным или обобщенным меняются в пределах одного монолога. Пытаясь придать размышлениям о положении дел в их семейном деле (в нашем деле) убедительность и значимость, Федор Лаптев переходит с конкретного уровня рассуждений на обобщенный:

– *В нашем деле нельзя прощать. Если будешь всех прощать, то через три года в трубу вылетишь.*

Обращенная к брату фраза, завершающая рассуждения Алексея Лаптева о «миллионном деле», представляет собой двусоставную конструкцию с называющим собеседника местоимением ты в роли подлежащего и глаголом соответствующей формы в функции сказуемого:

– *Небось вот университетского человека ты в амбар к себе не возьмешь!*

Позиция вывода, последнего предложения монолога сообщает данному утверждению обобщающий характер. Использование конструкций с местоимением в форме 2 л. ед. ч., указывающим на собеседника (Федора Лаптева) и одновременно на любое другое лицо, наличие лексемы «человек» позволяет констатировать синкретизм семантики анализируемого высказывания, субъект действия которого воспринимается и как конкретный участник речевого акта, и как обобщенное лицо.

Апеллируя к прагматическому потенциалу генерализующей языковой формы, говорящий пытается убедить собеседника в истинности высказываемой им точки зрения, так как мысль, выражаемая в генерализующих высказываниях, «может быть воспринята носителем языка как некая непреложная истина» [СУЗДАЛЬЦЕВА 2018: 61].

Отвечая брату, Федор Лаптев перифразирует пословицу *Не плюй в колодец – пригодится воды напиться*, меняя характер представления персональности с обобщенно-личного со значением «действие любого обобщенно-мыслимого лица» на определенно-личный со значением «действие, производимое собеседником»:

– *Извини, мне кажется, ты плюешь в колодезь, из которого пьешь, – сказал Федор и встал. – Наше дело тебе ненавистно, однако же ты пользуешься его доходами.*

Замена императива односоставного обобщенно-личного предложения формой синтаксического индикатива двусоставного предложения с местоимением ты, называющим собеседника, усиливает адресованность нормирующего воздействия пословицы «как языковой оболочки, вмещающей в себя универсальные, применимые к ряду однотипных ситуаций и потому истинностные суждения» [СУЗДАЛЬЦЕВА 2018: 60].

Включенность обобщающего значения пословицы в семантику предложения с конкретным значением увеличивает его воздействующее влияние.

Обобщенная персональность выражается двусоставными предложениями с подлежащим - местоимением в форме 2 л. мн.ч. и соответствующей формой глагола-сказуемого:

– *Мы тут имеем дело с одним из явлений электричества, – говорил он по-французски, обращаясь к даме.*

– *В коже каждого человека заложены микроскопические железки, которые содержат в себе токи. Если вы встречаетесь с особой, токи которой параллельны вашим, то вот вам и любовь.*

Выбор говорящим (Панауровым) одной из языковых форм генерализации обусловлен прагматически – намерением придать форму истинности собственным «научным» рассуждениям о влюбленности как об «одном из явлений электричества».

Конструкция сохраняет связь с адресатным вторым лицом, в силу того что говорящий рассуждает, «обращаясь к даме».

Использование двусоставной конструкции с личным местоимением *мы*, называющим «неопределенное число лиц, делающих что-л., думающих и т.п. одинаково» [КУЗНЕЦОВ 2001: 365], позволяет чеховским героям высказаться прежде всего о себе, приобщившись при этом к положению дел, касающемуся любого человека:

– *А всё-таки без любви не хорошо, – сказал Ярцев, идя за ней.*

– *Мы всё только говорим и читаем о любви, но сами мало любим, а это, право, не хорошо.*

Смена характера персональности («я» – «я и такие, как я») в смысловой структуре текста, как было сказано, может быть связана с переходом от характеристики конкретной ситуации к ее генерализации. Так, размышления Ярцева от первого лица (местоимение 1 л. ед.ч. повторяется 8 раз), заканчиваются высказыванием *Прежде чем мы, чумазые, выйдемся на настоящую дорогу, много нашего брата ляжет костьми*, в пределах которого функционируют разноуровневые средства выражения категории обобщенности: местоимение *мы* с обобщающим значением, лексема субстантивированного прилагательного *чумазые* как одна из форм репрезентации субъекта в предложении [ГАВРИЛОВА 1980: 71], устойчивый оборот *нашего брата* со значением «я и мне подобные», трансформированный фразеологический оборот «выйтись на настоящую дорогу», реализующий обобщенное целостное значение (ср.: *выйтись в люди, выйти на дорогу* – «стать самостоятельным, найти свое место в жизни»).

В силу авторитетности языковых форм выражения обобщенности конструкции с местоимением *мы* используются говорящим как средство речевого воздействия на сознание получателя речи в расчете на то, что информация, заложенная в генерализующем высказывании, будет воспринята собеседником как непреложная истина. Убеждая старика Федора Лаптева в необходимости прощения, подобную форму употребляет в речи Юлия Белавина:

– *Ничего подобного. В евангелии сказано, что мы должны прощать даже врагам своим.*

Для выражения генерализующего значения в тексте повести используются формы неопределенно-личных предложений. Обобщая жизненный опыт человека, которого «не любили», но предложение которого приняли, «вероятно, только потому, что он богат», о любви и «миллионах» высказывается Алексей Лаптев:

– *...Когда меня не любят, то я не могу заставить полюбить себя, хотя бы потратил сто миллионов.*

Субъектом используемых в тексте повести неопределенно-личных по форме предложений («его не любили», «меня не любят») оказывается конкретное лицо – героиня повести Юлия Белавина.

В первом случае перед нами исключительно грамматически выраженная неопределенность: читателю известно, что предложение говорящего, героя повести Алексея Лаптева, не любя, принимает именно Юлия. Кроме того, указание на субъект данного действия содержит высказывание в посттексте («она не любила»).

Выбор формы неопределенности («его не любили») обусловлен прагматически – стремлением Алексея Лаптева отстраниться от данной противоречивой ситуации.

Во втором случае субъектом действия («не любят») также оказывается определенное лицо, Юлия Белавина. Несмотря на то что герой рассуждает прежде всего о себе (в монологе, завершаемом фразой «Когда меня не любят...»), многочисленны личные и притяжательные местоимения: *я, наши, с нами, со мной, в моем, мне, я, у меня, меня, мои*), глагол в форме 3 л. мн.ч. обозначает действие, относящееся к любому лицу в подобной ситуации. Использование указанной формы как реализующей категорию авторитетности обусловлено намерением говорящего убедить собеседника в своей правоте, придав рассуждениям вид мудрого истинностного суждения, применимого ко всем подобным ситуациям.

Одновременная актуализация определенности, неопределенности и обобщенности субъекта в пределах одной фразы (*Когда меня не любят*) является проявлением специфики чеховской нарративной структуры, заключающейся в том, «что одна фраза строится в зоне разных субъектов сознания» [КУБАСОВ 2010: 67].

Обобщенное значение выражают односоставные безличные предложения, в которых представленное действие или состояние может быть соотнесено с любым лицом. Значение подобных конструкций выходит за пределы контекстуально-ситуативных условий их употребления в тексте повести.

Безличная конструкция *Нельзя же ведь в потемках ходить* метафорически выражает общее суждение, истинность которого очевидна и при изолированном употреблении.

Говорящий стремится придать сообщению характер общей значимости для участников данной конкретной ситуации («...вы находите нужным что-то скрывать от меня») и для жизненного опыта человека вообще. Используя генерализующее высказывание, отправитель речи (Алексей Лаптев) реализует

воздействующий потенциал подобных конструкций, воспринимаемых носителями языка в качестве форм истинностных утверждений: форма сентенции призвана убедить «главного в амбаре и доме» Початкина сказать «откровенно, начистоту», «как велико ...состояние» Лаптевых и каков получаемый ими доход.

Метафорически, образно дается обобщенная характеристика жизни в провинции – «...страшно бывает выглянуть из-под одеяла».

*Она лежала и всё думала о том, как эта провинциальная жизнь бедна событиями, однообразна и в то же время беспокойна. То и дело приходится вздрагивать, чего-нибудь опасаться, сердиться или чувствовать себя виноватой, и нервы в конце концов портятся до такой степени, что **страшно бывает выглянуть из-под одеяла**.* В выделенной части высказывания характеризуется одновременно и состояние Юлии Белавиной, которая «разделась и легла в постель», и жизнь в провинции в целом.

Употребленная далее в тексте лексема «дрожа» реализует прямое значение, характеризуя физиологическое состояние героини («дрожа...стала одеваться»), в то же время вписываясь в парадигму обозначений психологического состояния любого человека, живущего в провинции («вздрагивать, опасаться», «страшно»).

Генерализующее значение поддерживается грамматически за счет использования атемпоральной глагольной формы «бывает», а также глагола с модальным значением «приходится».

Избираемая форма представления лица как всеобщего может быть обусловлена намерением говорящего деперсонифицировать свое высказывание. Так, Алексей Лаптев пытается отстраниться от «особы», с которой жил «в последние полтора года», но прервал отношения и женился на Юлии Белавиной:

- Мучительно хочу чаю, – пожаловалась Рассудина. – Душа горит.
- **Здесь можно напиться**, – сказал Лаптев. – *Пойдемте в буфет.*

На последней странице романа осмысляются перспективы жизни героев. Дважды повторяющаяся в завершающих повесть размышлениях Алексея Лаптева о будущем («Что-то еще ожидает нас в будущем!»; «Что ожидает нас в будущем?») обобщенно-личная конструкция *Поживем – увидим* в качестве субъекта действия включает говорящего, «и девочек, и Юлию Сергеевну, и брата, и отца, и Ярцева» [СОБЕННИКОВ– ПЕРЕПЕЛИЦЫНА 2014: 150], и одновременно автора и читателя.

Осмысление обобщенности субъекта поддерживается повторением реализующих стратегию генерализации лексем имен числительных [ДАНКОВА 2016: 76] – «ведь придется, быть может, жить еще **тринадцать, тридцать лет...**»; «быть может, придется жить еще **тринадцать, тридцать лет**».

Финальная фраза повести *Поживем – увидим* акцентирована в смысловом отношении за счет вынесения в отдельный абзац. Так говорят о чем-либо недостаточно ясном в данный момент, что делает финал произведения открытым. «Поистине, не только читатель читает рассказ Чехова, но и сам рассказ “читает” своего читателя, поскольку, упрощенно говоря, оптимистически настроенный адресат получает возможность наделять чеховский текст пози-

тивным завершающим смыслом, а настроенный пессимистически – негативным» [ТЮПА 2010: 24]. На наш взгляд, повтор в одном сочиненном ряду числительных *три, тринадцать, тридцать* в контексте с актуализирующими сему «существование» глагольными лексемами *жить, пережить, проживем* приоткрывает читателю, оставляя за ним право «заключительного акта смыслового завершения», авторское «позитивное» понимание возможности временной перспективы жизни для героев.

Использование различных языковых средств реализации категории обобщенности, таким образом, может быть «обусловлено стилистически и связано с необходимостью решения художественных задач» [ДРОЗДОВА–КИМ 2020: 150].

Разноуровневые средства репрезентации категории обобщенности, свойственные языку в целом, находят отражение в повести А.П. Чехова «Три года» во всем их многообразии. Герои повести размышляют на общезначимые темы в контексте собственной жизни, с чем связаны особенности реализации в произведении категории обобщенности. При функционировании языковых единиц в тексте повести происходит взаимодействие их частно-конкретных и генерализующих значений, что обуславливает двуплановость смыслового восприятия как в пределах одного высказывания, так и текста в целом.

Использование генерализующих средств в речи персонажей обусловлено прагматически и определяется целью говорящих дегерсонифицировать высказывание или оказать воздействие на собеседника, придав личным размышлениям значение всеобщности.

Библиография

- ГАВРИЛОВА, Е.Н. [GAVRILOVA, E.N.] 1980: Обобщенность как категория лингвистики текста // Русский язык за рубежом [Generalization as a category of text linguistics // Russkij âzyk za rubežom], 1980/5: 68–73.
- ГАПАНОВИЧ, Е.А. [GAPANOVIĆ, E.A.] 2014: Семантическая интерпретация категории обобщенности (на материале французского языка) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. Языковедение [Semantic interpretation of the category of generalization (based on the French language) // Bulletin of Polotsk State University. Series A, Humanitarian Sciences. Linguistics], 2014: 60–65.
- ДАНКОВА, Н.С. [DANKOVA, N.S.] 2016: Стратегия генерализации как средство репрезентации судебной власти в СМИ: на материале российских и английских печатных СМИ // Полит. лингвистика [Generalization strategy as a means of representing the judiciary in the media: on the material of Russian and English print media // Političeskaâ lingvistika], 55 (2016/1): 73–81.
- ДРОЗДОВА, И.–КИМ, Н.М. [DROZDOVA. I.–КИМ, N.M.] 2000: Стилистический аспект функционирования предложений с обобщенным значением в тексте повести А.П. Чехова «Три года» // XII Молодежные Чеховские чтения в Таганроге: материалы XII международной конференции, Ростов-на-Дону: Foundation [The stylistic aspect of the functioning of sentences with a generalized meaning in the text of the story by A.P. Čehov's "Three Years" // XII Youth Čehov Readings in Taganrog: Materials of the XII International Conference, Rostov-on-Don: Foundation], 2020 :144–150.

- ИГНАТЕНКО, А.В. [IGNATENKO, A.V.] 2018: Интермедиаальный дискурс в повести А. П. Чехова «Три года». Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 82 (2018/4). Ч. 1.:16–20 [Intermediate discourse in the story "Three Years" by A.P. Čehov. Philological sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota. 82 (2018/4). V. 1.:16–20].
- КУБАСОВ, А.В. [KUBASOV, A.V.] 2010: Семантика нарративной структуры рассказа А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда» // Филологический класс [Semantics of the narrative structure of a story by A.P. Čehov's "Rothschild's Violin" // Filologičeskij klass], 24 (2010/2): 67–72.
- КУЗНЕЦОВ, А.С. (гл.ред.) [KUZNECOV, A.S. (ch.ed.)] 2001: Современный толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург [Modern explanatory dictionary of the Russian language. St. Petersburg].
- СОБЕННИКОВ, А.С.– ПЕРЕПЕЛИЦЫНА, Н. В. [SOBENNIKOV, A.S.–PEREPELICYNA, N.V.] 2014: Повесть А. П. Чехова «Три года»: интуиция художника, гендерная психология, «грамматика текста» // Сибирский филологический журнал [A. P. Čehov's story "Three years": artist's intuition, gender psychology, "grammar of the text" // Siberian Journal of Philology], 2014/4:148–151.
- СУЗДАЛЬЦЕВА, В.Н. [SUZDAL'CEVA, V.N.] 2018: Генерализующие высказывания как средство манипулирования сознанием массового адресата // Медиалингвистика [Generalizing statements as a means of manipulating the consciousness of the mass addressee // Medialingvistika], 5/1 (2018): 60–72.
- ТЮПА, В.И. [TÛPA, V.I.] 2010: Чеховское повествование и современная нарратология // Изв. РАН. Серия литературы и языка [Čehov's narrative and modern narratology // Izv. RAN. Literature and Language Series], 069/4 (2010): 22–27.
- ЧЕХОВ, А.П. [ČENOV, A.P.] 1983-1988: Полное собрание сочинений и писем (ПСС и П) А.П. Чехова в 30-ти томах. Москва [Complete Works and Letters (PSS and P) by A.P. Čehov in 30 volumes. Moscow], 1983–1988.

Наталья КИМ

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал Ростовского государственного экономического университета)

Таганрог, Россия

lanin.as@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-8027-2791

